

Зиновий ПРИГОДИЧ В ПРЕДЧУВСТВИИ ДОЖДЯ¹

Повесть

Между нами существует нечто вроде приливов
и отливов взаимной притягательности.

Милорад Павич

Кто-то из известных людей (к сожалению, не записал его фамилию) сказал, что если даже любовь несет с собой разлуку, одиночество, печаль — все равно она стоит той цены, которую мы за нее платим.

Не знаю, не знаю...

Мне кажется весьма спорным, сомнительным подобное утверждение. Впрочем, судите сами. Вот вам хроника одной такой любви.

18 марта

Как больно, невыносимо тяжело висеть между небом и землей. Два дня назад она сказала мне, что ее муж обо всем догадался и замкнулся. Он разговаривает с ней, но былой теплоты уже нет. Раньше называл ее «сладкая моя», а теперь — просто Шурочка.

Она запаниковала. Для нее потеря даже не мужа, а прежних отношений равносильна катастрофе. Поэтому заявила мне, что мы больше не можем встречаться. Самое главное для нее сейчас — вернуть мужа. «Если это еще возможно...»

— Возможно, — успокоил я ее. — Сердце, которое любит, отходчиво. А он определенно любит тебя. Да и нет у него никаких доказательств. Все утрясется.

— Тебе легко говорить.

— Да, очень легко... — я горько вздохнул.

Она посмотрела на меня, в ее взгляде я отчетливо прочитал и сочувствие, и сожаление, но в то же время и решимость не отступить от своего решения. А чтобы не было так обидно, пояснила:

— Я не могу раздвигаться. Не могу притворяться. У меня все написано на лице. Мне не нужно, чтобы меня кто-то винил, мне достаточно того, что я чувствую собственную вину.

¹ Начало.

— Я все понимаю. И ни на чем не настаиваю. Прошу только об одном: не спеши все отрезать. Давай побудем месяц-другой в режиме молчания. За это время, надеюсь, все утрясется, ты успокоишься, и тогда примем окончательное решение.

На том и согласились.

Две недели мы поддерживали вежливые, дружеские отношения. Как и прежде, она звонила мне по утрам, мы долго разговаривали о разных вещах, избегая, однако, главного и не называя друг друга обычными ласковыми словами, которых у нас набралось уже немало. Иногда гуляли по городу, заходили в кафе, сидели, разговаривали. Я провожал ее на вокзал, до остановки ее 102-го автобуса, вежливо целовал на прощание, едва коснувшись губ. Такие же формальные поцелуи мы посылали друг другу и по телефону, завершая разговор.

А вчера что-то в ней изменилось. Она впервые спросила, когда я буду на работе.

— Пожалуй, приду позже обычного, — ответил я.

— Ну что же... — с заметной грустинкой сказала она. — Я буду ждать тебя, Андрейка...

И как только я появился в учительской, она встала мне навстречу, какая-то взволнованная. Хорошо, что в комнате никого не оказалось, все были на уроках. Мы сели за стол друг напротив друга. Время от времени она ласково заглядывала мне в глаза, как будто хотела что-то важное сказать сама или ждала, что начну разговор я. Но я отводил взгляд и продолжал болтовню о пустяках, о первом, что приходило на ум.

Так прошло, наверное, с полчаса.

Мне уже нужно было готовиться к уроку. И я сказал ей об этом.

Она не обиделась:

— Конечно-конечно... Да и мне пора в библиотеку.

Я встал, чтобы проводить ее. И тут она первой потянулась к моим губам, и это был уже совсем не формальный поцелуй, ибо длился он значительно дольше, чем обычно бывает между друзьями.

Я был растерян, ошеломлен, сбит с толку. Что бы это могло быть? Первый шаг навстречу? Или просто жест благодарности за мое терпение и понимание?

А сегодня утром разговор был вроде бы и теплый, дружеский, но непривычно короткий и без традиционного «целую».

— Пока! — сказала она игриво, легко, почти весело.

И я машинально повторил:

— Пока...

Ну и как все это понять?

19 марта

Я не хотел этого разговора сейчас. Он получился немного раньше времени. Я думал дождаться ее дня рождения, а потом расставить все точки над *i*.

Но этот разговор она спровоцировала сама. Не могу уже точно вспомнить, с чего все началось. Как всегда, мы говорили о разных пустяках. Я спросил, как дела у ее сыновей — Янки и Артема. Поинтересовался, закончился ли ремонт квартиры. И как-то незаметно мы дошли до самого болезненного, до того, о чем избегали говорить, но что всегда стояло между нами: как же нам быть дальше?

— Не знаю... — призналась она и посмотрела на меня грустными, жалостливыми глазами. И от этого признания, а тем более от ее взгляда что-то во мне оборвалось и в душе похолодело.

Некоторое время мы молчали, не зная, что говорить дальше. Как будто все было понятно, но в то же время проклятая неопределенность, недоговоренность угнетала, мучила, требовала большей ясности, пусть и горькой, болезненной, но правды. Хуже всего оказаться в таком положении, как я, — висеть между небом и землей.

— Понимаешь... — у меня от волнения перехватило в горле, и я откашлялся. — Понимаешь, прежде всего ты должна осознать... осознать для себя: нужен я тебе или нет?

— А ты как думаешь?

— Хочется надеяться, что в какой-то степени нужен. Во всяком случае, был нужен. Я вот иногда перечитываю все, что ты мне писала, вспоминаю, что у нас было, и не нахожу ни одной фальшивой ноты. Ты казалась искренней. Но я думаю и о другом. Если твой муж был — и остается! — воздухом, без которого ты не можешь жить, то я... Ну, мы просто... несравнимые величины.

Она не возразила против этого. Промолчала.

Мое настроение окончательно упало, мне даже расхотелось говорить о чем-то еще. Зачем? И так все ясно. Как это ни печально, но она, кажется, никогда по-настоящему меня и не любила. Была легкая влюбленность, может, даже чуть больше, чем влюбленность, ибо все, что она мне говорила, было действительно искренне. Однако при первом же испытании все это моментально развеялось. И теперь она не может ничего сказать. В ее глазах только жалость ко мне.

Когда она выходила из учительской, я не удержался, притянул ее к себе, крепко прижал к груди и жадно поцеловал. Она не сопротивлялась, но и прежнего трепета я не почувствовал. Выскользнув из объятий, она буквально выскочила в коридор.

«Ах, дурак! — я с досадою покрутил головой. — Не надо было начинать этот разговор. Тем более не надо было лезть с объятиями. Все только испортил!»

Однако после уроков она, как ни в чем не бывало, заглянула в учительскую и бодро, почти весело спросила:

— Ну что, пойдём?

И я, бросив все свои бумаги, пошел, как обычно, провожать ее на вокзал.

А ночью, когда не мог уснуть, когда перебирал все детали, все подробности нашего разговора, отчетливо понял, что это конец. Дальше тянуть кота за хвост нет смысла. Это все равно, что отрезать ему хвост по кусочкам, другими словами, заставлять его страдать.

И я принял решение: вернемся в исходное положение, в котором мы находились год назад. Всякие чувства, сантименты — в сторону, оставим только деловые, дружеские отношения.

20 марта

И опять: не хотел я начинать этот разговор, но он как-то сам собой получился.

Утром она позвонила мне и спросила, как я спал.

— Плохо, — признался я. — Всю ночь болел живот. Судя по всему, язва открылась.

Но чтобы она не подумала, что я давлЮ на жалость (только жалости мне не хватало!), сразу объяснил причину своей слабости:

— В последнее время я нерегулярно и плохо ем, всухомятку.

— Почему же ты ничего не готовишь?

— Да лень. В общем, ничего делать не хочется, опускаются руки...

— Ну, так нельзя.

— Нельзя, конечно... Ничего, как-нибудь справлюсь с этой временной слабостью. Не подумай, что я уже совсем раскис. Хотя ситуация — не буду врать — хреновая. Но я держу себя в руках. Просто я впервые не знаю, что делать... Когда-то в юности я прочитал такие строки:

Уж коль стряслось, что женщина не любит,
То с дружбой лишь натерпишься стыда.
И счастлив тот, кто разом все обрубит,
Уйдет, чтоб не вернуться никогда.

Четверостишие запало мне в душу, и я дважды в жизни воспользовался этой формулой: уходил от любимых, резко разорвав все отношения, раз и навсегда... Но теперь, с тобой, я не могу этого сделать. Не могу и не хочу! Впрочем, давай не будем об этом сегодня. Хорошо, Шурочка?

— Хорошо, Андрейка.

— Ну, тогда пока. Целую. Я по-прежнему люблю тебя. И хочу оставаться близким для тебя человеком.

— И я этого хочу.

Вот таким получился наш утренний разговор. А где-то через полчаса, когда я уже по небольшой своей проблеме был в домоуправлении, она снова позвонила мне на мобильный:

— Ты где?

Я ответил.

— Что будешь делать дальше?

— Вот решу свою проблему и поеду на работу.

— Тогда пока!

Я вышел из домоуправления, стою на остановке, о чем-то задумался. В какой-то момент повернул голову и... не поверил своим глазам: рядом — она!

Боже мой, как я обрадовался! Обнял ее, стал целовать. Она доверчиво, ласково прижалась ко мне, и мы так, на глазах у людей, стояли минут десять. Оказывается, под влиянием душевного порыва она оставила все свои домашние дела и приехала ко мне. А мне как раз приспичило выйти из дома.

— Жалко, хоть плачь!

— Не надо плакать, — улыбнулась она. Но на предложение пойти ко мне покачала головой.

— Поедем лучше на работу.

Правда, чуть позже она остудила мою неудержимую радость:

— Это еще ничего не значит. Я пока ничего не решила.

Но лицо ее, тоже счастливое, говорило об обратном.

— А я не требую от тебя сейчас никакого решения. Но то, что ты сегодня приехала, для меня очень и очень важно. Значит, я тебе все еще нужен. А все остальное не имеет значения. И я готов ждать хоть месяц, хоть два, хоть год. Только не оставляй меня, будь рядом. Без тебя мне плохо.

— И мне тоже... — призналась она.

22 марта

Она вернулась! И два «счастливых дня было у меня!» Вчера и позавчера.

Позавчера вообще был день-подарок, день-праздник. В десятом классе я давал открытый урок по белорусской литературе. Представителю района урок понравился, и он похвалил меня на педсовете. А завершился этот чудесный день вечером белорусско-австрийской дружбы, на котором я неплохо выступил, имел успех, завел новые знакомства.

Но я называю этот день чудесным не только потому, и даже не столько потому, что произошли эти приятные события. Главное — было пять волшебных, счастливых минут вместе с ней. Всего пять минут, но как они украсили, освятили, осыпали мой день! Кажется, мы даже ничего друг другу не говорили, просто стояли, обнявшись, и целовались жадно, неутолимо, до головокружения...

А вчера мы были вместе гораздо дольше, несколько часов. Я зашел к ней в библиотеку, и мы сначала обсуждали литературный сценарий, посвященный творчеству Василя Быкова, а потом, когда все ученики и преподаватели разошлись по домам, дали волю своим чувствам. Она села ко мне на колени, и мы страстно, без памяти, целовались.

— Знаешь, — призналась она, — после каждого расставания мои чувства становятся все сильнее и сильнее.

— Только, пожалуйста, не надо больше этих расставаний. Хорошо?

— Я постараюсь...

— Будь осмотрительной, осторожной. Прояви всю свою мудрость.

Она радостно кивала головой. А я, счастливый, целовал ее снова и снова.

...Она вернулась. Однако я не уверен, что это продлится долго. С ее импульсивностью, непредсказуемостью можно ожидать всего.

25 марта

Нет, скучать она мне не даст. От нее действительно можно ожидать всего...

Вчера она дала почитать свое эссе, которое подготовила для областной газеты. Газета время от времени публикует ее статьи. И вот я читаю:

«А однажды майским утром легкое облачко фаты нежно коснулось и моего лица. Папа кружил меня в вальсе и тихонько спрашивал: «Доченька, ты счастлива?» Мама молчаливо любовалась нами издали, смахивая слезу. Чуть ревниво поглядывал на моего избранника старший брат. А он сказал мне «люблю» лишь один раз. И мне этого оказалось достаточно! Я и без слов ощущаю это ежедневно и ежечасно. Как будто бы шел проливной дождь, а он раскрыл надо мной зонтик, и стало сухо, тепло и очень уютно. По пруту, по дощечке мы построили свой плот через бурлящую реку времени. Мы плывем по ней без малого двадцать лет. А кажется, будто один день. Нет, конечно, до бабушки с дедушкой нам еще далеко, и до моих мамы с папой, которые в следующем году отпразднуют свой свадебный юбилей — пятьдесят пять лет вместе. Но кое-что в этом фамильном секрете долголетия любви мы уже и сейчас успели постичь».

Горько, больно мне было это читать, но я мужественно дочитал до конца. Однако последние строки я уже воспринимал плохо.

— Ну как? — весело спросила она.

— Хорошо... — едва выдавил я. — Очень искренне, проникновенно.

— А по-другому об этом писать нельзя.

— Конечно-конечно...

— Тебе что-то не понравилось?

— Ну почему же? Все великолепно.

— Тебе не понравилось, как я написала о муже? Так я же это специально, для конспирации.

Я посмотрел ей в глаза: не понимает ситуации или притворяется? Она не отвела взгляд — значит, считает, что не сделала ничего плохого.

— Понимаешь... — начал я объяснять свое состояние. — Если бы я тебя не любил, все прочитал бы просто и легко. А так... не буду кривить душой — больно... Но это нормальная реакция. Честно говоря, я позавидовал твоему мужу. Ты действительно его любишь, и это такое огромное, всеобъемлющее чувство, что мне там, пожалуй, и некуда втиснуться.

— Не выдумывай, Андрейка! В моей жизни ты уже почти сравнялся с мужем.

О господи! Я даже не знаю, как на это реагировать: то ли злиться, то ли махнуть рукой на все — пусть идет как идет?

30 марта

Я как-то спросил у Алесь Петровича, учителя истории, с которым мы дружим, что он думает о нашей библиотечарше:

— Ты смотришь на нее, что называется, трезвыми глазами. Скажи честно, как она тебе?

— Честно? Ничего особенного. Вот чтобы хоть на мгновение зацепила, взволновала — ни разу такого не было. Удивляюсь: что ты в ней нашел? Наступаешь на одни и те же грабли. Она же, не обижайся, пожалуйста, она же, по-моему, о! — Алесь Петрович покрутил пальцем возле виска.

— Ну, ты это зря.

— Прости, прости... Я не в том смысле, что сумасшедшая, а в том, что какая-то непонятная.

Да, непонятная... Или, точнее, не совсем понятная. О ней нельзя сказать так, как о той книге, которую ты едва начал читать и уже знаешь, что будет дальше. Она непредсказуемая, иногда немного экзальтированная, эксцентричная, но всегда — разная и интересная. С ней никогда не бывает скучно.

Что я в ней нашел? А вот это и нашел — все то, что выделяет ее среди других женщин, делает оригинальной, не похожей на остальных. И мне это нравится гораздо больше, чем внешняя красота.

Ее нельзя назвать красавицей. Маленькое бледное лицо, невыразительные глаза, всегда скрытые за очками, никакой прически — редкие короткие волосы собраны сзади в пучок. Да и одета без особого вкуса: рваные (специально!) темно-синие джинсы, которые она не снимает круглый год, дешевая красно-бордовая блузка, тоже всепогодная. Ну и простые, хотя и милые серьги. Правда, время от времени по большим праздникам она надевает строгий костюм — черный приталенный жакет и короткое черное платье. И тогда вдруг замечаешь, что у нее красивые ноги, очень привлекательная фигура. Но она, кажется, не обращает на это никакого внимания.

Она берет иным. Неким внутренним магнетизмом, замешанном на ее богатой духовности и скрытой сексуальности. Именно поэтому, несмотря на внешнюю невзрачность, некую серость, мало кто из мужчин может пройти мимо нее равнодушно. Разве что Алесь Петрович. Если, конечно, он искренен. Но тут,

как говорится, каждому свое. Когда я ее вижу, то буквально теряю голову. И ничего не могу с этим поделать.

13 апреля

Наши отношения, кажется, вошли в спокойное русло. Но я совершенно не уверен, что они не могут измениться в любой момент.

Было уже два неприятных эпизода.

Неделю назад во время близости она вдруг меня оттолкнула, резко встала с кровати и пошла в душ. Вернулась хмурая, недовольная, молча оделась, равнодушно сказала мне «пока» и убежала.

И вторая деталь, которая меня неприятно зацепила. Оказалось, что она не регулярно ведет учет читателей, ленится заполнять библиотечные анкеты.

— Ненавижу эту бухгалтерию, — оправдывается. — Люблю живую работу...

— Но порядок есть порядок.

— Ну вот, ты такой же формалист, как и наш директор.

Ее необязательность стала для меня неприятной неожиданностью. А она и не скрывает, что такая вот она — неорганизованная, непоследовательная. Дома все продукты покупает муж, иногда — даже готовит. А если у него нет времени, то в ход идут бутерброды. Кажется, муж делает и всю остальную работу по дому. Я как-то заметил, что у ее пальто оторвалась пуговица. «Муж пришьет», — махнула рукой. Но, должно быть, забыла сказать об этом мужу, потому что в следующий раз пуговица так и не появилась.

Я вижу в ней десятки недостатков, причем весьма существенных, и все равно люблю ее. Ничего не могу с собой поделать. Интересно, что и когда сможет меня окончательно отрезвить?

19 апреля

Еще одно неприятное открытие. Оказывается, рукопись стихов, которые я ей посвятил, она за всю неделю даже не открыла.

Когда узнал об этом вчера, мне было... нет, даже не горько, не обидно, просто грустно.

— Я же тебе не стихи подарил... — тихо сказал ей. — Я отдал тебе свое сердце. А ты?

— А я... — смутилась она. — Я читаю. Правда...

А сегодня позвонила мне с работы.

— О, — удивился я, — почему так рано?

— Поступили новые книги и журналы, надо их зарегистрировать и расставить по полкам.

— Мда-а... А я надеялся, что ты скажешь нечто иное.

— А что?

— Не догадываешься?

— Нет.

— Тогда не стоит и говорить.

— Вот ты какой! Сначала заинтриговал, а потом издеваешься.

— Да какая тут интрига. Я думал, ты читаешь мои стихи. А ты про них и забыла. Ладно, давай больше не будем об этом.

И я перевел разговор на другое. Она охотно, даже с облегчением его поддержала. Кажется, ей совершенно все равно, что она обидела меня, оскорбила мои лучшие чувства.

Конечно, неприятный знак для меня. Грош цена после этого всем ее словам и признаниям. А я ей уже поверил было, раскрыл душу настежь. И — получил. Еще один горький урок для старого дурака.

25 апреля

Катализатором для моего нынешнего грустного настроения стал небольшой эпизод.

В столовой, куда мы зашли во время большой перемены, я спросил, что она будет есть.

— Ничего.

— А пить?

— Апельсиновый сок.

— Сырок взять?

— Не надо.

За столом она объяснила:

— Начинаю новую жизнь. Перехожу на соки и салаты. Буду худеть.

И вопросительно посмотрела на меня:

— Почему ты молчишь?

— А что говорить? Все равно ты поступишь так, как хочешь. «Хозяин — барин», как говорит один мой знакомый.

На этом наш разговор и закончился. Но мне стало грустно. Она даже не попыталась оспорить то, что я сказал. Да и что оспаривать, если это так: мое мнение, моя позиция для нее практически ничего не значат. Я для нее даже не на втором месте (после мужа), а где-то гораздо дальше. Нахожу этому все новые и новые подтверждения. А те ласковые слова, которые она мне иногда говорит, идут не столько от сердца, сколько от головы. И произносит их как-то робко, неуверенно, заикаясь, как нечто ритуально обязательное, но не очень приятное.

Я стал чувствовать ее неискренность, притворство даже во время близости. Более того, она как будто догадывается, что я это чувствую, поэтому часто возникает ситуация неловкости и досады.

Как это ни печально, но за год нашего знакомства мы стали заметно дальше друг от друга. Выяснилось, что нам нравится разная литература, разная музыка, что у нас противоположные идеологические позиции.

У нас даже образ жизни разный... Ей нравится импровизация, стихийность, импульсивность. Из-за этого возникают постоянные стрессы, ненужное ежедневное напряжение, привычка многое делать впопыхах, в последний момент. Для меня все это подобно смерти.

И не случайно она за целую неделю даже не открыла мою рукопись. Во-первых, ежедневная суета, нехватка времени, во-вторых, все, что там написано, кажется, мало ее интересует. Еще прошлым летом, когда она была не совсем уверена в моих чувствах, задавалась вопросом: кто я? Теперь, когда я, как тот попугай, признаюсь ей в любви по десять раз в день, ей это надоело.

В таком случае что нас связывает, что еще удерживает вместе? А уже, честно говоря, немного. Осталась только одна инерция. Но похоже, что и она скоро закончится.

16 мая

Получил две душевных травмы.

Первую — это когда она за целую неделю так и не прикоснулась к моим стихам.

Вторую — когда после двухнедельной разлуки (был в командировке в Москве) как на крыльях летел в Минск, чтобы поскорее услышать и увидеть ее, а она, зная, что я вернулся, не позвонила ни в субботу, ни в воскресенье, ни в понедельник утром. Я надеялся, что она позвонит и радостно признается: «Как я скучала без тебя! Мечтала, чтобы ты приехал пораньше...»

Напрасные надежды.

Увиделись мы уже в школе. Буднично, без всяких эмоций, словно и не было этой долгой, мучительной (для меня, разумеется) разлуки.

Ну что же, пусть будет так...

Жаль, но мы теряем, кажется, даже то, что было в прошлом году. Все чаще я наталкиваюсь на ее сдержанность, равнодушие.

29 мая

На днях мы были на грани разрыва.

Началось, как это обычно бывает, с мелочей.

Утром по телефону я начал ей рассказывать о том, как медленно идет ремонт в нашем доме, о застарелых болячках строителей: то у них нет подоконников, то цемент закончился, то саморезов не подвезли, то... Но я не успел закончить свою мысль. Она резко оборвала меня:

— Меня не интересуют эти подробности! Лучше скажи мне, когда все будет закончено?

Я растерялся:

— Откуда же мне знать?

Молча проглотив обиду, продолжил разговор. Но через пару минут снова столкнулся с ее резкостью. Я сказал, что сегодня встал очень рано, около половины седьмого.

— Я тоже, — сказала она.

— А ты почему?

В трубке на мгновение воцарилась тишина, а затем послышалось раздраженно-резкое:

— Как я устала от таких вопросов!

— Ладно, давай на этом закончим разговор. Сегодня ты не в себе, раздражена.

— Я несколько не раздражена!

— Увидимся на работе, тогда и поговорим.

— А если мы не увидимся?

— Ну, сегодня не увидимся, так увидимся завтра, послезавтра.

— Ах так! Ну, тогда пока!

И бросила трубку.

Через час она позвонила мне уже с работы. И снова я имел неосторожность спросить:

— Что делаешь?

— А что делают на работе? Работают.

— Да что ты говоришь? А я не и знал. Спасибо за объяснение.

— Пожалуйста.

— Что с тобой сегодня? С тобою невозможно разговаривать. Все, о чем ни спрошу, тебя раздражает. Я уже не знаю, с какой стороны к тебе подойти.

Обида сжала мое сердце, и тут меня понесло:

— Вот что я скажу, Шурочка... Если я тебя раздражаю, можем все это прекратить. Зачем заставляешь себя? Подумай об этом...

И положил трубку. А через минуту она перезвонила мне на мобильный:

— Какой же ты дуралей! Я не могла говорить, потому что в библиотеке были люди. А ты... Разве так можно? Когда ты будешь в школе?

— У меня сегодня нет уроков. Буду дома ждать строителей.

— Жаль. Надо бы поговорить...

— Ничего. Нам еще предстоит серьезный разговор.

— Это обнадеживает.

Но я уже мало верю в какую-либо надежду.

15 июня

Начинаются летние каникулы. В местном комитете нашей профорганизации мне предложили путевку в санаторий. Предлагали и другим, но так как все наши учителя семейные, имеют хозяйство, то они отказались. А я охотно согласился. У меня, холостяка, нет никаких материальных проблем, к тому же мне просто хотелось куда-нибудь поехать, побыть одному.

7 августа

Договорились, что я вернусь из отпуска на пару дней раньше: побудем вместе, куда-нибудь съездим.

И вот сегодня примчался в Минск. Мне так хотелось увидеть ее, что я почти в пять часов утра вскочил с постели и начал собираться в дорогу, не мог дождаться назначенного времени, когда она приедет ко мне.

А ее все не было и не было. «Ладно, — успокаивал я себя, — что-то, видимо, с транспортом». — Включил телевизор. Но не смотрелось. А когда часы пробили двенадцать, не на шутку заволновался. Что-то случилось?..

Не зная, что и подумать, я нервно ходил по квартире. Из комнаты в комнату. От окна к окну...

Она появилась где-то в половине второго. Вошла, поздоровалась как ни в чем не бывало.

— Шурочка, что случилось? — бросился к ней.

— Ничего, — равнодушно пожала она плечами. — Я просто завозилась на кухне, поздно вышла.

— А что, позвонить нельзя было? Я же волновался...

— Я хотела сделать сюрприз.

— Сюрприз оказался с минусом.

Она снова равнодушно пожала плечами: мол, думай что хочешь. Никаких объяснений, не говоря уже об извинениях, не последовало.

Ну и я не стал показывать никаких чувств. Побыли пару часов как обычные знакомые, что-то рассказали друг другу и расстались сухо и холодно.

9 августа

Я надеялся, что после нашего холодного расставания она, вернувшись домой, позвонит мне и хотя бы попытается немного сгладить, подсластить горечь нашей встречи.

Не позвонила.

Хотелось надеяться, что она позвонит завтра утром. Скажет, что плохо спала, волновалась, так нельзя, надо встретиться...

Позвонила, но не утром, а около полудня.

— Ты уже проснулась? — спросил не без иронии.

Но она этого не поняла, ответила серьезно:

— Я бы еще спала, но меня разбудил телефонный звонок...

Вот и все ее переживание. Отношения на грани разрыва, а она спит как сурок.

Стало окончательно ясно: я для нее совершенно чужой человек. И то, что происходит, — не случайность.

Стоит ли продолжать такие отношения? Не вижу необходимости. К этой мысли я прихожу все чаще и чаще.

10 августа

«Я люблю тебя не за то, кто ты, а за то, кто я, когда я с тобой», — сказал Маркес устами своего героя. И это абсолютная истина в моем нынешнем положении. Я очень люблю ее, потому что, когда я с ней, полностью меняюсь — становлюсь добрее, мудрее, талантливее. Даже молодею!

Более того, меняюсь не только я. Все вокруг меняется. Мир наполняется теплом, волшебными звуками и чудесными красками. А без этого — становится серым и унылым.

11 августа

Она не позвонила ни в субботу, ни в воскресенье, ни сегодня, в понедельник. Впрочем, я догадывался, что она не позвонит, и тем не менее подсознательно ждал. Все время смотрел на часы, почти не выходил из дома, а на прогулку брал с собой мобильный телефон. Даже в парикмахерской с ним не расставался.

Зря ожидал.

Что это значит? Было бы наивно думать, что она не понимает, что обидела меня, — все прекрасно видела по выражению лица. Однако не сделала ни малейшего шага навстречу. Ко всему, что произошло между нами, отнеслась совершенно спокойно, даже равнодушно. И это еще раз доказывает, что у нее нет ко мне никаких чувств. Вначале, может быть, и были — конечно, были, я это чувствовал, — но в этом году, особенно после того, как муж устроил ей обструкцию, она так испугалась, что даже те обрывки чувств, которые были, мгновенно улетучились.

Мне хотелось бы отнестись ко всему этому философски: как есть, так есть. Не жениться же на ней... Встретились, поцеловались — и до свидания. Но так, к сожалению, я не могу. Мне нужно все или ничего.

13 августа

Все оказалось гораздо хуже, чем я думал. Она снова оставила меня. И, думаю, на этот раз окончательно. Ну да бог с ней! Плакать не буду. Еще до этого я ощущал, что она больше не испытывает ко мне настоящих чувств. Так что рано или поздно это должно было случиться. Ссылка на то, что она не может раздваиваться, что это выше ее сил, — несерьезное оправдание. Было бы чувство — были бы и силы.

— Ну что же, давай переведем наши отношения в деловые, — предложил я ей, когда мы наконец встретились.

Сказал это как можно спокойнее, хотя, когда я смотрел на нее, такую желанную, у меня разрывалось сердце.

— Деловые? — она посмотрела на меня немного удивленно. — А дружеские?

— Время покажет. Может, получится и так. Я же все-таки любил тебя, почему я должен ненавидеть? Хотя, как известно, между этими крайностями один шаг.

— Ты на меня обиделся?

— Почему? Я был готов к разрыву. И, честно говоря, меня не столько ранит сам разрыв, сколько то, как ты к нему отнеслась. Я думал, ты хотя бы немного будешь переживать. Но я увидел тебя вот такую — свежую, радостную, вдохновенную — и понял, что был не прав. Это не упрек. Это простая констатация факта. И у меня нет на тебя зла. Нельзя же обижаться на солнце, которое скрылось за тучами и не светит тебе.

Мы еще что-то говорили друг другу. Она уверяла, что ее чувства абсолютно искренни, но не знает, почему и как все произошло, причем произошло это внезапно, на уровне подсознания: «Я и сама себя не могу понять. Ну, да уже какая есть...»

— Ладно, не будем больше об этом. Давай жить дальше. Что будет потом — время покажет, — мне захотелось подойти к ней, обнять, поцеловать, но я сдержался, сказал только: — Пока... Любимая...

И ушел.

18 августа

Минорно, горько у меня на душе. И почему-то больно...

Больно, видимо, еще и от того, что это, возможно, была моя последняя, Богом данная любовь. Любовь, которая, к сожалению, так быстро и необъяснимо потеряна.

Я знаю: только время излечит эту боль. А лучше всего — это новая любовь. Но пока я не хочу никого ни слышать, ни видеть. Пусть немного остынет, успокоится душа. Все произошло слишком внезапно и неожиданно. Причем безо всякой причины. Если в первый раз она испугалась мужа, который, что-то почуяв, замкнулся, отошел, то что теперь? Отношения у нас были ровные, спокойные, особой страсти она не проявляла, но и равнодушия тоже не было. Встречались мы редко, раз в неделю, а иногда, когда она болела или я куда-то уезжал, и того реже. Мне казалось, что она уже к этому привыкла. И вдруг... Еще недавно говорила «целую», «люблю», а однажды утром пришла как чужой человек.

Наверное, в чем-то виноват и я. Своим неразумным поведением я в какой-то степени спровоцировал ее, подтолкнул к такому решению. Но это не могло быть решено в одночасье. Видимо, она уже подсознательно об этом думала, что-то такое уже жило в ней. Нужна была только последняя капля, последний толчок. И я сам сделал это.

Только не думаю, что мое поведение было решающим. Человек, который любит, не поступает так внезапно, так легко. «Не отрекаются, любя...» И хотя она уверяет, что это не так, что причина в ее характере, в ее импульсивной натуре, я, честно говоря, этому не верю. Любящая женщина способна на невозможное. Она просто не любила меня. Влюбленность была, особенно поначалу, но постепенно исчезла.

И снова я у разбитого корыта. Снова знакомое ощущение немоты и пустоты вокруг. С немалым усилием воли я делаю какую-то работу, что-то читаю. А в моих мыслях — только она. Я бесконечно веду с ней болезненные и горькие разговоры.

Сердце не хочет верить в случившееся.

20 августа

Неужели прав А. Куприн, сказавший однажды: «В этой стихии всегда властвует не тот, который любит больше, а тот, который любит меньше». Станный и злой парадокс!

25 августа

Ее фотопортрет, который висел у меня в головах и которым я всегда с такой любовью восхищался, снял и забросил на шкаф. Теперь мне стало очень больно на него смотреть.

Удалил также все текстовые сообщения на мобильном телефоне — ее и свои. Стал их читать, и они словно тяжелые валуны падали мне в душу.

Удалил, но легче не стало.

28 августа

Позвонил Алесь Петрович и спросил, как я отдохнул и готов ли к новому учебному году. И как бы между прочим спросил:

— А как у тебя отношения с Шурой?

— Все кончено.

— И слава богу! — мой друг почему-то обрадовался. — Я тебе уже говорил и повторю еще раз: не понимаю, что ты в ней нашел?

— Алесь Петрович, я и сам ее сначала не замечал. Более того, она мне совершенно не нравилась. Какое-то птичье лицо с острым носом, странная прическа, небрежно одета... Ну никакого интереса. А потом... потом не понимаю, что произошло. Когда я познакомился с ней поближе, то увидел, что это интересная, неординарная, талантливая женщина. А за время нашего знакомства она менялась все больше и больше в лучшую сторону. Боже! Была гадким утенком, а стала принцессой. Я, как Пигмалион, сделал ее красавицей на свою печаль.

— Мой друг, не переживай. Какой бы ни была воля небес — все к лучшему.

1 сентября

Невероятно! Фантастика! Она вернулась!

После уроков, которых в первый день занятий было немного меньше, я пошел в библиотеку, чтобы взять кое-что из литературы.

— Андрей, а хочешь посмотреть, как я провела отпуск в деревне? — вдруг предложила она.

— Хочу.

Она включила компьютер, вставила диск, и на мониторе появилась группа молодых людей на берегу реки.

— Я справа, в голубом купальнике.

Чтобы лучше видеть, я подошел поближе и стал у нее за спиной. Смотрел на экран, а в голове пульсировала мысль: обнять бы ее, поцеловать... Но сдерживался из последних сил.

Первый шаг сделала она. Где-то под самый конец просмотра вдруг перестала комментировать снимки и прислонилась, прижалась ко мне головой. И тут у меня моментально отказали все тормоза! Я наклонился, обхватил ее лицо руками, стал страстно целовать, шепча:

— Милая моя!.. Мой родной человек... Мое солнышко... Моя легкокрылая ласточка... Как мне плохо без тебя!

— И мне тоже...

Страсть, словно нахлынувшее цунами, захлестнула нас, и мы утонули в ней с головой, забыв обо всем на свете. А дверь в библиотеку не была заперта, и в любой момент кто-то мог войти...

Но мне, да, кажется, и ей, было не до этого. Мы целовались, шептали ласковые, опьяняющие слова признания, снова обнимались, снова целовались.

В одно мгновение я превратился из самого несчастного в самого счастливого человека на свете.

3 сентября

Вчера было воскресенье, и она позвонила мне рано утром и спросила:

— Какие у тебя планы на сегодня?

— Никаких.

— Синоптики сообщили, что сегодня будет до тридцати градусов. Поехали куда-нибудь за город!

— Давай махнем на Вячу! Искупаемся.

И мы этот воскресный чудесный солнечный день провели вместе. Купались, загорали, потом обедали в городском кафе, бродили по притихшему от жары и почти безлюдному Минску. Самое удивительное: нам было так хорошо вместе, что мы даже не чувствовали этой тридцатиградусной жары.

2 ноября

Она продержалась ровно два месяца. Все это время наши отношения были теплыми, искренними, сердечными. И вот снова начались различные недоразумения.

Она даже не поздравила меня с днем рождения. Ни устно, ни письменно. Мы договорились встретиться в этот день, но в последний момент она почему-то передумала. «Не получится...» — вот и все, что она сказала на мой недоуменный вопрос.

Не буду кривить душой: это было и обидно, и больно. Мне даже хотелось отключить телефон и в одиночку, как медведь в берлоге, зализывать раны. Но уроки ведь проводить надо... Однако в библиотеку старался не заходить.

Молчание. Ни телефонного звонка, ни эсэмэски. Сегодня, правда, она встретила меня в коридоре, попросила проводить ее до остановки.

Встреча и сумбурный разговор оставили горечь и разочарование. Она не нашла для меня ни одного теплого, ласкового слова. Лишь мимоходом сказала: «Мне было грустно», но как-то испуганно, неуверенно, и от этого мне показалось — неискренне.

6 ноября

Вчера не успел войти в квартиру, как прозвенел звонок. Она спросила:

— Как настроение?

Мне не хотелось начинать выяснять отношения по телефону, поэтому я ответил кратко:

— Нормально.

— Нет, ненормально. У тебя какая-то грусть в голосе. И попрощался ты сегодня не так, как всегда.

— Да нет. А грусть... Может, и правда, что-то грустно на душе...

— А я знаю почему: ты на меня обиделся. Да?

— Ну, это тоже есть. Но не только. За последнюю неделю ты не прислала мне ни одного сообщения, не сказала ни одного теплого слова.

— Тем не менее я думала о тебе. Мне тоже было грустно. А слова... Разве это главное?

— Скажи, а тебе нужны мои слова?

— Очень!

— Ну так вот, они мне тоже нужны.

— Я постараюсь...

— Не надо стараться. Делай только то, что подсказывает тебе сердце. А то получается, что я тебя заставляю.

— Меня не так-то просто заставить... Не выдумывай того, чего нет. Все хорошо, ничего не изменилось. А не поздравила я тебя потому, что в тот день у меня было плохое настроение — хуже не придумаешь. Что-то как будто застыло у меня внутри. Ничто меня не радовало и не согревало. Но тебе, мужчине, этого не понять...

Она успокаивала меня как могла, уверяя, что все будет хорошо. Но при этом ни разу не сказала «люблю». Самое большое, что она смогла из себя выжать: «Я испытываю к тебе огромную нежность...» Ну, нежность можно испытывать и к кошке или, скажем, как Раневская, к шкафу.

Словом, на душе все еще грустно и не очень светло.

10 ноября

Иногда я даже удивляюсь самому себе: и за что я ее люблю? Мне в ней категорически не нравятся многие вещи.

Не нравится стиль одежды — экстравагантный и, на мой взгляд, безвкусный. Носит какие-то непонятные блузки: иногда с огромным воротником, почти до пояса, иногда с отрезанными рукавами, которые натягивает до локтей, как когда-то провинциальные счетоводы нарукавники. Джинсы у нее тоже рваные, лохматые. Ремень, как у металлистов, широкий, с заклепками, неудобный и некрасивый. Куртка короткая, из какого-то блестящего брезента и, наверное, холодная.

Мне не нравится ее прическа. Впрочем, прически, строго говоря, никакой и нет. Просто волосы зачесаны назад и закреплены заколкой, которой уже лет сто. Краситься она тоже не умеет: наносит слишком много косметики, и тогда глаза кажутся какими-то неестественными, кричащими. Губы — яркие, ядовито-морковные. Еле уговорил ее недавно поменять помаду на более скромную, естественную.

Не нравится ее рассеянность, неорганизованность, необязательность...

А что же тогда нравится? А нравится немногое, но очень важное для мужчины — ее женственность, ее сексуальная привлекательность. Несмотря на свою экстравагантную, порой нелепую одежду, она тем не менее выглядит очень привлекательно: молодая гибкая фигура, эротическая улыбка, кокетливый взгляд. А еще... чрезвычайно привлекательный запах женщины.

12 ноября

Я не могу относиться к своим любимым женщинам легко и равнодушно. Мне обязательно нужно любить и страдать, страдать и любить... По этой причине я в третий раз наступаю на одни и те же грабли.

Вчера у нашей географички был юбилей — пятьдесят лет. После уроков мы все собрались в учительской, причастились по бокалу шампанского, затем пили чай с пирожным, болтали, смеялись. На праздничное застолье Шура пришла чертовски красивой. В светлой дымчатой узорчатой блузке, которая плотно облегалась, подчеркивала ее высокую, тугую грудь; в темно-серой юбке, которая так же соблазнительно сидела на ее крутых бедрах. Так красиво, с таким вкусом она еще никогда не одевалась. Во всяком случае, такой я ее еще не видел.

Поэтому, когда я зашел в библиотеку, первым желанием было обнять и поцеловать ее. Но как только я собрался это сделать, она повернулась ко мне спиной и спросила, в порядке ли у нее прическа. Я так и застыл на полпути с протянутыми руками. Не знаю, сделала так она это намеренно или произошло случайно.

Как бы то ни было, но меня это неприятно царапнуло.

И был еще один эпизод, который тоже омрачил настроение. В конце застолья, когда мы уже вставали из-за стола, рядом с ней вдруг сел наш известный ловелас Иван Михайлович, учитель физкультуры. И моя Шурочка начала с ним напропалую флиртовать.

А позавчера было еще хуже. К ней в библиотеку должен был прийти Макаров. Тот самый Николай Макаров — ее бывший одноклассник, в которого, как она сама призналась, когда-то была сильно влюблена. Боже мой, как же она разволновалась, как была возбуждена! Стала заваривать чай, сбегала в буфет, купила разных сладостей.

— Ты слишком взволнована, — иронично заметил я. — Успокойся.

— А я спокойная... — она сделала равнодушным лицо и отвела глаза, которые горели неподдельной радостью.

И так, пока был Макаров (хотя он пришел с женой), все время находилась в каком-то необычайно возбужденном состоянии. Мне она никогда так не радовалась...

Что же происходит? Последние несколько дней, хотя мы как будто и говорим друг другу ласковые слова, прежнего тепла и искренности нет. Она вообще скупа на чувства и ласки (везет же мне на таких женщин!), а теперь, кажется, и вовсе отдалилась.

Поэтому вчера, после нашего застолья, я пошел домой, даже не попрощавшись с ней.

Позже она позвонила мне и упрекнула:

— Ну, можно было хотя бы попрощаться?

— Так ты же была увлечена другим...

Я думал, она бросит свое обычное «ну, пока...» и повесит трубку. Но нет, она тянула, тянула разговор, словно хотела что-то сказать, но все не решалась, и не решилась.

Прощались холодно.

15 ноября

Как же я устал от этих приливов и отливов, этих бесконечных «буду — не буду», «хочу — не хочу»! Сколько они мне испортили крови...

Все началось с Нади. Долгих пять лет я прожил между небом и землей, задыхаясь, страдая от неопределенности, неизвестности. Позже эти страдания стали целым проклятием, когда в моей жизни появилась Нинель, с которой я познакомился на курорте в Сочи. Она была замужем и, хотя мужа не любила, уходить от него не хотела: он занимал серьезную должность в строительном тресте и полностью ее удовлетворял в финансовом отношении. Я плакал и проклинал судьбу, таял от счастья и умирал от отчаяния, горел, сгорал, казалось, дотла, и снова воскресал. Не знаю, как я выжил, когда после этих невыносимых страданий остался один на один со своей разбитой, искалеченной, несчастной любовью.

Несколько лет мне не хотелось никого и ничего. Я был убежден, что свое отлюбил и отстрадал. Но вот Господь послал мне еще одно испытание. И снова я влюбился, как юноша. И снова началось то же самое: горение, ревность, страдания, неопределенность...

Что это за планида такая?! Того, кто любит меня, кто предан мне, не люблю я. А к кому тянусь, тот очень сдержан в своих чувствах ко мне. Какой-то замкнутый круг, из которого я, наверное, никогда не выберусь. Такова, видимо, моя судьба.

Я понимаю, что с женщинами нельзя распускать нюни, нельзя чрезмерно выражать, обнажать свои чувства. Надо быть сдержаннее, смелее. Понимаю, но ничего не могу с собой поделаться. И в результате получаю то, что получаю. Уже в третий раз...

Да, третья моя любовь тоже оказалась неопределенной, нестабильной, мучительной. Меня то поднимает волна счастья в горние выси, то приступ отчаяния бросает в ледяную пропасть.

На прошлой неделе она вдруг стала какой-то отчужденной, колючей, ироничной, холодной. А позавчера, когда я заговорил о нашей Ирине Степановне, которая в очередной раз вышла из себя, оскорбила свою ученицу, что стало предметом серьезного разговора на педагогическом совете, Шурочка меня резко перебила:

— Пора уже закрыть эту тему!

Я растерялся. Кажется, мое лицо даже вспыхнуло от неловкости.

— Ну что же, — выдавил я, преодолевая обиду, — давай закроем...

Молчание длилось несколько минут. А затем она встала и, бросив «мне надо к завучу», вышла из библиотеки.

Я последовал за нею. А потом и вовсе ушел из школы, не попрощавшись с Шурой.

На следующее утро, еще не было и семи часов, она прислала мне смс: «Не обижайся, мой воробышек. Вчера я была не в настроении. А сегодня хочу тебя увидеть. Целую!»

И я тут же, забыв обиды, ответил: «Я — тоже!»

Очередной прилив? А может быть, она думает, что никакого отлива и не было?

17 ноября

Утром она обычно звонит мне либо до семи, либо сразу после семи. А сегодня я не стал ждать звонка и пошел на работу. Проведя два первых урока, заглянул в библиотеку.

Она сидела за столом и даже не повернула ко мне головы. Все ласковые слова, которые я собирался сказать, застряли в горле.

— А почему такое настроение? — спросил. — Что-то случилось?

— Ничего не случилось. Просто много работы. Разбираюсь с новыми книгами, которые поступили.

И снова даже не взглянула на меня.

— Ладно... — Я повернулся и ушел.

После уроков заглянула в учительскую. Я был один. Предложила:

— Давай прогуляемся...

Я согласился без особого энтузиазма. Честно говоря, я думал, что она предложила это, чтобы как-то загладить свою бестактность. Но нет, на улице она сказала:

— Зайдем в аптеку, купим мне лекарство.

Так вот в чем дело! Мое настроение окончательно испортилось.

Когда я проводил ее до вокзала, до ее автобусной остановки, она умудрилась добавить мне горечи еще, сказав, что завтра пойдет смотреть нашумевший японский фильм. Со своим сыном. А почему не со мной? Я промолчал. Но то, что услышал, задело больно и неприятно.

Таковы наши отношения сейчас. Мы — не друзья и не враги. Очевидно, все подходит к своему логическому концу.

18 ноября

Это — абсолютно непредсказуемый человек.

Утром, около шести часов, зазвонил телефон. Взял трубку — она! Стала говорить, что ей стыдно за вчерашнее поведение, что вовсе не хотела меня обидеть, что ее якобы толкала какая-то сатанинская сила: «Думаю одно, а говорю почему-то другое...»

— Дело не в том, что ты говоришь... Я же вижу и чувствую то, что не сказано. Ты стала совсем другой...

— Это не так. Просто, видимо, наши отношения стали уже ближе к семейным. А может, это мой характер. Он у меня, как ты заметил, непростой.

— Ладно, — сказал я. — Разберемся. А то, что позвонила, — это хорошо. Твой звонок очень, очень важен для меня.

На том и попрощались.

19 ноября

Не знаю, что и думать. Мы не виделись вчера весь день. У меня было пять уроков, и когда после занятий я постучал в дверь библиотеки, та оказалась запертой. Пошел домой.

Сегодня утром она не позвонила.

Во время большого перерыва я заглянул в библиотеку, но Шура была нервная, взвинченная. Разговор не получился.

Ну и что мне делать в этой ситуации? Видимо, все-таки я ей скажу, что больше так не могу. Я устал. И нам надо взять продолжительный тайм-аут, чтобы отдохнуть друг от друга.

20 ноября

Она не позвонила и сегодня. И не пришла на работу. Оставила лишь на двери записку: «Уехала в районную библиотеку».

Почему-то мне стало печально и грустно-грустно. Раньше времени я вернулся домой, упал на кровать и лежал неподвижно часа два. Несколько раз проваливался в сон, просыпался, пытался читать, но глаза скользили по строкам, не улавливая смысла, и я снова куда-то проваливался.

И тогда я сказал себе: «Хватит!», поднялся и сел за стол. Сел, чтобы записать то, что все это время крутилось в голове, жгло сердце. Мой примерный монолог, обращенный к ней:

«Я устал от твоих капризов, разных выходов, перепадов настроения и так далее. Всего этого мне было более чем достаточно еще в юности, не хочу повторяться. Это все равно что отрывать бинт от живой раны. Больно и неприятно. Понимаешь, если двое любят друг друга, то они встречаются для того, чтобы дарить тепло, нежность, любовь, а не портить настроение, трепать нервы. Прости, но я больше не хочу таких отношений. С меня достаточно!»

Конечно, последнее я не скажу. Потому что это будет означать полный разрыв. А я не хочу расставания. Потому что, как ни странно, я все еще люблю ее.

22 ноября

Воскресенье.

Я был уверен, что она и сегодня не позвонит. Ну, правда, о чем говорить? И ошибся.

В девять часов утра пришло короткое СМС: «Целую. Люблю...»

Я даже растерялся: что ответить? Сделать вид, что ничего не произошло, и послать ей то же самое — не иметь никакой гордости. Но мне и обижать ее не хотелось. Поэтому ответил вопросом с подтекстом: «Подпольно?» Мол, где ты была все эти дни? В каком подполье?

Ответ пришел быстро: «А что, ты меня уже больше не любишь?»

Ну и что мне оставалось делать после этого? Рука, кажется, сама забегала по буквам: «Люблю! И еще больше хочу тебя видеть!»

«И чудесно. Жди сегодня в гости».

Послал ей эмоционально-выразительное: «!!!»

И как же после всего этого мне снова захотелось жить, работать, любить...

5 декабря

И все же приметы сбываются.

Сначала она потеряла кулон, который я подарил ей на день рождения. Потом сломала и перестала носить серьги. И наконец разбила чайник, который я привез ей с Украины.

И тогда я подумал: все эти приметы не напрасны. Ничего у нас с нею не получится.

Так оно и произошло. Или, по крайней мере, происходит.

А началось, как говорится и как всегда бывает, с мелочей.

В прошлое воскресенье мы наконец-то выбрались в Мир и Несвиж. Поездка как поездка, если не учитывать того, что в Несвиже мы попали в настоящую метель и это испортило нам всю обедню. Но, по правде говоря, обедню испортила не столько метель, сколько другое — ее настроение и отношение ко мне. Она за весь день даже не прикоснулась ко мне. Более того, когда я попытался обнять ее в подземелье Мирского замка, воспользовавшись полумраком, решительно выскользнула из моих объятий. И все время держалась в сторонке, демонстративно

отчужденно. Меня это обидело. На этом фоне на обратном пути у нас даже произошла небольшая ссора.

Слушали радио. В эфире шел обычный треп. Слушатель звонит на радиостанцию, сообщает некоторые подробности о себе, а ведущий должен угадать его профессию. И вокруг этого — столько примитивной, пустой болтовни.

— Ну как тебе это может нравиться? — говорю ей раздраженно.

— Представь себе, может. Потому что это остроумно, интересно.

— Что здесь интересного? И не остроумие, а элементарная пошлость.

— К счастью, не все так думают.

— Все — пускай. А ты — умная, интеллектуальная женщина и слушаешь такую чушь.

Она замолчала, обиженная.

А на следующий день холодок между нами стал еще сильнее. Утром не позвонила и не пришла ко мне. А на работе в библиотеку я принципиально не зашел.

Вот так мы и провели всю неделю — отстраненно, отчужденно.

7 декабря

Много думаю о том, как же мне быть, что делать дальше.

Я снова полон противоречий, сомнений, колебаний.

С одной стороны, уже слишком далеко впустил ее в свое сердце. И теперь мне будет очень трудно, очень больно ее вырвать оттуда.

А с другой стороны, я отчетливо вижу, что настоящих чувств она ко мне не испытывает. Сначала было что-то — живое, трепетное, искреннее, а теперь — нет. Есть, как мне кажется, какой-то расчет, какая-то меркантильность.

И вот теперь я сижу один и грустно думаю: что же мне делать? Ситуация, о которой в народе говорят: и горько съесть, и жалко выплюнуть.

8 декабря

Мои самые худшие предчувствия сбылись.

Сегодня с утра у нас состоялся такой разговор. Сначала поговорили о том, как и что делали в выходные. Я спросил:

— А почему ты не пришла ко мне и даже не позвонила?

— С мужем ездили в деревню к его родителям.

— Понятно.

— И сегодня не смогу прийти: к сыну в школу надо появиться.

— Тем более понятно... Только почему ты молчишь, ничего не говоришь?

— Не хотела тебе делать больно.

— А ты думаешь, что вот так висеть в неизвестности менее больно? Ладно.

Бог тебе судья. Пока...

— Пока.

На работе я у нее все-таки спросил, что случилось.

— Ничего, — спокойно ответила она. — Я окончательно вернулась к мужу.

Что же, я чувствовал, видел, что она резко изменилась. Предчувствовал, что вот-вот должно что-то произойти. И произошло.

Конечно, мне сейчас больно. Конечно, на душе опять ледяная пустота, словно образовалась сквозная рана. Надеюсь, время заживит и ее. Такова уж моя судьба: не я бросаю женщин, а они бросают меня.

Срабатывает какой-то странный парадокс: чем сильнее их любишь, чем больше их балуешь, тем легче они порывают отношения. Я это все понимаю, но иначе не могу, а потому в который уже раз наступаю на одни и те же грабли.

9 декабря

Опять (Боже милостивый, сколько же можно!) хожу по квартире, как по минному полю. Натыкаюсь на ее фотографию — и сердце отзывается щемящей болью. В ванной комнате вижу оставленную ею помаду и думаю, что нужно спрятать подальше от глаз. На кухне, кажется, еще живет ее запах, ее голос. А когда ложусь в постель, где пережил столько счастливых минут близости, сердце просто заходится от боли. Сжимаю зубы, чтобы не заплакать...

А на улице каждая молодая красивая женщина мне напоминает ее. Только ни одна из них не может сравниться с нею ни фигурой, ни походкой, ни пластикой.

На работе еще хуже. Приходится обуздывать чувства, свои эмоции железной уздечкой, чтобы не раскиснуть, не показать своего отчаяния. Невыносимо тяжело и больно видеть ее и не обнять, не поцеловать, не сказать, как я ее люблю...

Перечитываю последние ее эсэмэски: сколько в них тепла, нежности. «Не грусти, Андрейка-воробейка... Я тебя люблю...»

Кто заставлял ее писать такое? Значит, что-то было? Не такая уж она лицемерка, чтобы писать абсолютную неправду. Тогда почему случился этот разрыв? «Победил муж» — это отговорка. Есть, видимо, что-то еще, о чем она не хочет говорить.

Но что гадать, если все порушено. Навсегда? Ах, как не хочется в это верить! В сердце еще живет надежда на возвращение...

10 декабря

Она больше не вернется.

Это стало окончательно понятно из сегодняшнего нашего разговора. Хотя ни на какой разговор я не был настроен. О чем говорить? Зачем? Если женщина не хочет продолжать отношения, значит, ей эти отношения не очень нужны. И вступать в выяснение каких-то причин — просто унижить себя, уронить свое достоинство.

Но случилось, мне нужно было зайти в библиотеку подобрать необходимую литературу. Она явно обрадовалась, спросила, что у меня нового, как настроение.

— Плохо мне без тебя ... — само собой вырвалось у меня.

— И мне нелегко... Но я иначе не могла. Меня всегда угнетала вина... То удавалось ее заглушить, то было невыносимо больно. Для меня самое важное чувство — верность. Не знаю, откуда это: то ли от родителей, то ли самовоспитание, но переступить через него не могу.

Хочется верить. Хотя, конечно, если бы любила — вся эта верность полетела бы к чертовой матери. А так... Впрочем, я ни в чем не хочу ее упрекать. Это ее святое право — выбирать: я или муж.

12 декабря

Надежды, что она вернется, нет. А смириться с этим все никак не могу.

Поэтому, промаявшись целое воскресное утро, где-то в двенадцатом часу не выдержал, послал ей эсэмэску:

«Доброе утро, Шурочка! Чудесного тебе дня...» И стал ждать ответ, а его все нет и нет. А потом вспомнил, что сегодня у нее все дома. А что, если я своим несдержанным посланием причинил ей неприятности? Мое настроение совсем испортилось.

Наконец в половине четвертого пришла эсэмэска: «Благодарю, Андрейка! Думаю о тебе с теплотой...»

Сначала я Бог знает как обрадовался. А когда вдумался, то понял, что радоваться здесь особо нечему. Обычная вежливость. Никакого шага навстречу даже не угадывается. Наоборот, за коротким «думаю с теплотой» — абсолютно прощальный подтекст.

14 декабря

Все время думаю о ней. Не могу отделаться от этих болезненных мыслей ни на минуту. Нигде. За письменным столом, гуляя по городу, в лесу — все время думаю, вспоминаю, анализирую...

Я прекрасно понимаю, что уговаривать ее вернуться нет никакого смысла: если уж женщина решила порвать отношения, ее ничем не убедишь, а если даже и вернешь, то ненадолго.

Она должна принять решение сама. И такое решение, кажется, она уже приняла. Осознанно и окончательно. Не зря же она на мои слова, что эту любовь можно вытеснить только новой любовью, сказала: «Я тебе искренне этого желаю. Хотя мне, наверное, и будет неприятно».

Так что, как это ни прискорбно, надо признать: возврата не будет. Но смириться с этим невозможно. Я готов цепляться за любую соломинку, которая обещает мне даже не саму надежду, а иллюзию надежды.

«Самое страшное для меня — вернуться», — сказала она мне на прощание. И это было сказано не спонтанно-эмоционально, под воздействием какого-то эпизода. Нет, я понял: это — глубоко обдуманное, выстраданное решение.

Но страдает ли она? В последнее время я все больше стал сомневаться в искренности ее чувств. Все чаще стал наткаться на равнодушие. Во время последней поездки за целый день так ни разу и не прикоснулась ко мне. Ну не было такого желания — и все.

Так о чем жалеть? Чего я страдаю? А может, эта боль идет от моего оскорбленного самолюбия, униженного мужского достоинства? Наверное, есть и это. Но думаю, что за моим нынешним болезненным состоянием стоят вещи более высокого порядка: непреодолимая стихия глубокого, необузданного чувства и ощущение непоправимой потери.

17 декабря

Ждал. Верил. Надеялся...

Вчера был понедельник, и я с самого утра ждал ее звонка. По нашей давней традиции мы по-прежнему после выходных созванивались и коротко рассказывали друг другу, как провели эти дни.

Напрасно ждал. Не позвонила. Плохой знак. При расставании самые тяжелые, самые мучительные и поэтому самые судьбоносные именно эти три дня. Если за это время человек не поменял своего решения — значит, оно окончательное. И мне нужно смириться и постепенно привыкать к разрыву.

Конечно, мою боль время утишит, залечит. Даже за эти дни что-то изменилось, сдвинулось в моей душе. Сначала

боль была такой острой, такой жгучей, что казалось, в середине у меня не сердце, а сплошная кровавая рана. Сейчас — немного утихла, хотя все еще мучительна. Пройдет время — и она станет просто глубоко щемящей и даже сладкой. Знаю это из собственного горького опыта.

Нужно только набраться терпения, выдержки, силы воли.

Усе мы живём па законах прыродных.
Усё ў белым свеце цячэ і мінае...
І боль мой, бы воўк той галодны,
Заціхне, аслабне і моўчкі сканае...

18 декабря

Вчера она все-таки позвонила.

Я не сдержал своих чувств:

— Шурочка, как я рад тебя слышать!

— Я тоже...

Говорили долго и тепло. Она рассказала, что на выходные ездила в деревню к родителям, виделась с одноклассниками. Устроили небольшую вечеринку.

— Было здорово! Я даже осмелилась и показала танец живота, который мы недавно разучили на танцевальных курсах. Все были в восторге. Сказали, чтобы в феврале, на встрече выпускников, я взяла свой арабский костюм и показала все, что умею.

Поинтересовалась, как у меня идет работа над задуманной статьей для «Настаўніцкай газеты». Сказал, что туго. Не то настроение...

Под конец в нашем разговоре стали возникать неловкие паузы. Как будто уже и все обговорили, а хочется еще что-то сказать, только из-за неопределенности наших отношений неизвестно, что говорить. В конце концов, после банальных «такие вот дела...», «мда-а...» попрощались.

— Звони мне, Шурочка.

— Буду звонить. Пока... Целую.

— И я тебя, моя Снегурочка.

И хотя я прекрасно понимаю, что этот звонок еще ничего не значит, но как же сразу изменилось мое настроение! Как будто ангельские трубы заиграли вокруг. Отключил телефон, а лицо мое, чувствую, так все и лучится счастьем, глаза блестят от радости. Боже мой! Много ли нужно влюбленному сердцу? Одно ласковое слово любимой — и злой, голодный волк, что грыз мое сердце, мгновенно превратился в ласкового, пушистого, нежного зайчика.

19 декабря

Я уже не раз задумывался: а за что я люблю ее?

Наверное, точно на этот вопрос не сможет ответить ни один влюбленный. Здесь много непонятного, нелогичного и даже мистического. То же и у меня.

Сказать, что она красивая, — не могу. Хотя иногда бывает очень симпатичная, милая. Больше всего мне нравится ее фигура — стройная, гибкая. А вот в лице есть какая-то неправильность, что особенно отчетливо видно на снимках.

Она — оригинальный, непредсказуемый человек. Слушает не классическую, а джазовую музыку, рок. Читает не известных, признанных авторов, а выбирает тех, кто соответствует ее

душевному состоянию. Чаще всего это абсолютно неизвестные мне авторы... Из них я знаю только Дину Рубину и Мураками.

Любит восточные танцы, ходит уже почти полгода на какие-то курсы и говорит, что преуспевает. Не знаю, не видел. Обожает путешествия, отдых в экстремальных условиях. В Крым ездит только «дикарем».

Ее настроение меняется семь раз на день, и предсказать его невозможно. По-моему, она и сама не знает, что сделает, что скажет в следующую минуту. Порывистая, эмоциональная, подвижная.

Любит небольшие кафе, где есть вкусные и оригинальные блюда. Мясо почти не употребляет. Обходится сыром, творожными сырками, зеленым чаем, иногда кофе, да еще шоколадом.

Она знает, чего хочет, и умеет этого добиваться. Не муж, а именно она вступила, можно сказать, вскочила в последний момент в жилищный кооператив, причем на самых льготных условиях. Именно под ее руководством и под ее вкус муж сделал в новой квартире отличный ремонт. Именно она определяет, где и когда отдыхать. Да и воспитанием детей, решением их проблем занимается только она.

А вот на кухне вряд ли назовешь ее полноправной хозяйкой. Под настроение, экспромтом может приготовить очень вкусный суп, какое-то оригинальное блюдо. А может и вовсе ничего не делать. И тогда муж готовит не только себе, но и ей, и детям.

Впрочем, нарисовать ее портрет, передать ее суть невозможно. Как невозможно поймать и показать солнечный зайчик.

Одно я знаю точно: с ней никогда не скучно. С нею никогда нельзя расслабиться. К моему несчастью, такие вот женщины мне и нравятся. Неуловимые, непредсказуемые, неприрученные, они приносят мне больше страданий, чем радости...

20 декабря

Вчера она позвонила снова.

Я, признаться, боялся, что после последнего долгого разговора, где мы обо всем рассказали друг другу, поделились всеми новостями, нам не будет о чем говорить. Но беседа пошла легко и непринужденно. Правда, теплоты особой не было. Ее голос выдавал какую-то напряженность, какое-то душевное смятение. Ощущение было такое, будто она хочет сказать что-то неприятное для меня и не осмеливается, отдалает этот момент. Так и не сказала ничего.

21 декабря

Господи, ну почему я не могу отделаться от этих надоедливых, мучительных мыслей? Почему не могу выбросить ее из своего сердца? Как все равно приворожила...

А в ней и впрямь есть что-то от ведьмы — таинственное, загадочное, мистическое. Она чрезвычайно, просто фантастически проницательна. Бывало, еще только о чем-то подумаешь, а она уже об этом знает. Угадывала не только мои мысли, но и желания. Иногда очень захочется, чтобы она позвонила, — она тут же звонит. Интуиция действительно колдовская.

Она безошибочно угадывала мое настроение, чувствовала самые тонкие нюансы душевного состояния. И не только когда видела мое лицо, мои глаза, но даже на рас-

стоянии, по телефону. То ли по тембру моего голоса, то ли еще по чему-то, не знаю, но угадывала всегда мгновенно и безошибочно.

Особенно часто было такое в начале наших отношений. После, когда отдалась, я стал замечать это все реже и реже.

Почему же случилось ее отдаление? Наверное, в этом я сам виноват. Не смог влюбить ее в себя так, чтобы забыла обо всех своих принципах и сомнениях. Не смог поддерживать ее интерес ко мне на первоначальном уровне.

Не смог, потому что она не позволила мне это сделать. У меня были грандиозные планы. Чего только ни предлагал ей, но она все встречала если не с полным равнодушием, то, по крайней мере, со сдержанной улыбкой: «Будет видно...»

22 декабря

Интересно: думаю о ней много и тепло. Радуюсь, как ребенок, когда она ласковая, нежная со мною, даже когда просто рядом, и огорчаюсь, страдаю в разлуке, когда мы вдруг поссоримся.

Что это, если не любовь?

А вот стихи для нее и о ней почему-то не пишутся. Сначала было выдохнулось несколько искренних, трепетных строк, но после того, как она отнеслась к ним равнодушно, вдохновение угасло.

Почти три дня бился над одной строфой, а она все никак не давалась. Наконец усилием воли почти завершил ее, но божественной искры в этих строках нет.

З тобой, маё сонейка, я заўжды.

І сэрцам, і думамі-марамі...

Нават калі ты за хмарамі —

Мне сонечна і тады.

Я здесь не совсем искренен. Не так уж мне и солнечно, если она за тучами. Я переживаю, не нахожу себе места, работа валится из рук, перестаю спать...

Неопределенность, непонятность. Так можно охарактеризовать наши сегодняшние отношения. Мы почти каждый день созваниваемся, подолгу и тепло говорим. Но старательно обходим главное: что же будет дальше?

Вчера она неожиданно призналась о своих женских болезнях. Лечение пока особого улучшения не дало. Доктор заставил сдать кровь на онкопробу. От результатов этого анализа будет многое зависеть...

25 декабря

Неожиданно она позвонила мне вечером и сообщила, что анализы на онкопробы нормальные.

— Слава богу! — невольно вырвалось у меня. — Я очень и очень этому рад. Ура!

Она рассмеялась.

— Правда-правда. Очень рад. А то я уже начал тревожиться. Но хорошо, что все хорошо кончилось.

Однако на вопрос, придет ли она завтра ко мне, сдержанно, безо всяких объяснений ответила:

— К сожалению, не смогу.

— А вечером?

— С сыном идем в театр.

Значит, причина ее отдаления не в болезни. И зря я на что-то надеялся...

27 декабря

Все эти дни, что она мне не звонила, много думал о наших отношениях. И окончательно понял: все кончено. Нет даже смысла цепляться за какие-то призрачные надежды, придуманные иллюзии. Зачем длить агонию чувств? «И счастлив тот, кто разом все обрубит...»

Придя к такому выводу, я даже немного успокоился. Не скажу, что мне стало менее больно, менее горько. Нет. Но — более спокойно. Я сейчас не живу бесконечными колебаниями между «да» и «нет». Эти колебания только умножали страдания. Неопределенность — самое неприятное в человеческих отношениях, а в любви особенно. Я стал более трезво смотреть на Шуру. Конечно, раскаленный своими чувствами, я наделял ее невероятными качествами. Теперь же видится все немного в ином свете.

Духовно мы — совершенно разные люди. У нас абсолютно разные этические, эстетические и идейные ценности. Она любит экстравагантность, эпатаж во всем: дырявые джинсы, широкий пояс с массивной железной пряжкой, стоптанные, ношенные-переносные, отнюдь не женские кроссовки... Неудивительно, что в коллективе к ней относятся иронично-прохладно.

28 декабря

В разговорах по телефону, при коротких встречах на работе мы по-прежнему старательно избегаем говорить о главном. Это как в доме покойника стараются не говорить о смерти.

Она — вежливая, сдержанная, спокойная. Неужели она действительно так легко относится к нашему разрыву? Я специально перечитал ее письма, адресованные мне еще в первый наш год, и даже удивился: сколько там чувства! Не могла же она так притворяться. Было, значит, что-то. И куда все делось? И неужели — бесследно?

29 декабря

Мне вместе с Шурой поручили подготовить сценарий на новогодний бал-маскарад. И, конечно же, при этом между нами состоялся короткий разговор. Но он не только ничего не прояснил, а, наоборот, еще больше все усложнил и запутал.

Ей-богу, у меня не было намерения начинать этот разговор. Хотел просто почитать несколько стихотворений о моем сегодняшнем настроении, посмотреть на ее реакцию. Но она пришла такая красивая, такая желанная, что у меня зашло сердце, и я не сдержался, обнял ее и поцеловал.

После прочтения стихов я, как последний дурак, разволновался и вознамерился снова поцеловать ее. Она сначала ответила на мой поцелуй, но, спохватившись, тут же легонько, но достаточно решительно оттолкнула меня и покачала головой: «М-м-м...»

И тут я протрезвел: что я делаю? Зачем?

— Ладно, — сказал, взяв себя в руки. — Я тут лишь бы чего наговорил. Не обращай внимания. Пусть это тебя не тревожит.

— Не тревожит? — посмотрела она на меня виноватыми, жалостливыми глазами. Только ее жалости не хватало!

— Все! — сказал я решительно. — Ставим точку. И не будем больше ни о чем говорить.

— Пока не будем...

Я удивленно взглянул на нее. Что это значит? Но не стал ни о чем спрашивать. перевел разговор на другое. Нашел даже силы шутить, смеяться.

Расстались, как добрые, давние друзья.

2 января

О, как бы я был рад, если бы однажды проснулся — а сердце не болит, душа спокойна, мысли свободны!

Но чуда не происходит. Я все еще страдаю. Душа моя горит. Мысли и днем, и ночью с нею.

Разум и душа в полном разладе.

Хочу, убеждаю себя, что надо решительно все это порвать: отношения наши не имеют никакой перспективы, она не любит меня... И уже, кажется, убедил, начал успокаиваться, а увижу ее — и душа начинает гореть, бурлить, как вулкан.

Сколько же это будет длиться?!

А с другой стороны, как подумаю: однажды просыпаешься — а сердце не болит, а душа не горит, а в мыслях никого. И что? Нет, это была бы радость мифологического царя Пирра, победа которого оказалась впоследствии жестоким поражением.

3 января

Она собралась на зимних каникулах с семьей поехать в отпуск и на лечение в Крым. Рассказывала, что с трудом купила билеты. Взяла только верхние полки, и то в разных купе.

И вдруг сообщает: билеты поменяла, все вместе едут в одном купе.

— Как это тебе удалось? — удивился я.

— А я почти каждый день звонила... Пока не сказали, что есть свободное купе.

Похожими поступками она удивляла меня не один раз. Первое впечатление складывается такое, будто она малоорганизованная, беспомощная, беззащитная. Но это абсолютно ошибочное представление. Если ей что-то нужно, она сделает невозможное, но своего добьется.

Так было с младшим сыном Янкой. В классе возник какой-то конфликт. Шура пошла в школу, завела дружбу с директором, подружилась с учительницей — и дела у сына пошли на лад.

И это — не единственный случай. У меня, наоборот, впечатление такое, что в ее поведении нет ничего спонтанного, непродуманного. Все строго подчинено общей цели. Не хочется, конечно, верить, но боюсь, что и я в ее приближенных оказался неслучайно. Надо было устроить старшего сына в институт, а там заведующий кафедрой — мой однокурсник и давний друг. Он, кстати, и помог.

Такие вот поганые мысли приходят мне иногда в голову. И не дай бог, чтобы это оказалось правдой. Тогда к моей нынешней боли присоединятся еще страшная обида и досада.

Продолжение следует

Перевод с белорусского автора